

ԱՐԽԻՎԱՅԻՆ ՆՅՈՒԹԵՐ Մ. ԽՐԻՄՅԱՆԻ ՄԱՍԻՆ

Կրիմյան Հայրիկի վերաբերյալ Ռուսաստանի պետական արխիվներում պահպանված կարևոր նյութեր, որոնցից առաջինն մի փոքր մասն է, որ օգտագործված է նրան նվիրված գրականության մեջ: Այդ բացը մասամբ լրացնելու նպատակով ստորև հրատարակում ենք վեց փաստաթուղթ, որոնք պարունակում են հետազոտիչ տեղեկություններ մեծ հայրենասերի կյանքի ու հասարակական-քաղաքական գործունեության մասին:

Մկրտիչ Խրիմյանը, ինչպես հայտնի է, 1869 թ. ընտրվեց Կ. Պոլսի հայ պատրիարք և նույն թվականի նոյեմբերին այցելեց Արեւմտյան Հայաստանի գլխավոր կենտրոններից մեկը՝ էրզրում (Վարին) քաղաքը: Այդ կապակցությամբ քաղաքի ուսանական հյուպատոսը զեկուցադրելու արարկում Կ. Պոլսի իր գնասյանին (տե՛ս փաստաթուղթ № Կ), որտեղ շարադրված է Խրիմյանի կենսագրությունը՝ կաղնված ուսական դիվանտոդոսության աշխատողների տրամադրության տակ Յղած տվյալների հիման վրա: Միաժամանակ տրված են ինչպես Խրիմյանի, այնպես էլ իր ժամանակի մի շարք հայտնի դեմքերի գործունեության ղեկավարականներ, նկարագրված է այն խանդավառ ընդունելությունը, որին արժանացել է նորընտիր պատրիարքը էրզրումի հայ հույն թնակալության և մասնավորապես հայ երիտասարդության կողմից: Հյուպատոսը բազմիցս ընդգծում է վանեցի նշանավոր գործչի խզնվությունը, ժողովրդասիրությունը և հայրենասիրությունը: Խոսելով, օրինակ, այն մասին, թե Խրիմյանն ինչ գործունեություն է ծավալել Վարազա վանքի վանահայր եղած ժամանակ, ուս դիվանագետը պարզ է. «Գալով Վարազա վանք, Մկրտիչ վարդապետը վերականգնեց նրա պարիսպները, խոցեր սարկեց, հողեղբ դպրոց բացեց և տպարան հիմնեց, որտեղ շարունակեց տպագրել իր նախկին «Արծալի Վասպուրականի» թերթը: Իրեն հատուկ պերճախոսությամբ նա ոգեկոչում էր Արա Գեղեցիկին, Տիրաթին և հին հայոց մյուս հերոսներին և իր երկրի ներկա վիճակը համեմատում էր իրենալական անցյալի հետ: Այսպիսի ստեղծագործություններով ոգևորելով երիտասարդներին և ինքն էլ հրապուրվելով այն ժողովրդականությամբ, որ ստեղծել էր իր համար կարճ ժամանակամիջոցում, նա իր քարոզներում սկսեց պարսավել շահամուրթյունը, ազահությունը, տղիտությունը և բարձրաստիճան ու ցածրաստիճան հողեղբականության և իր հարուստ ու աղքատիկ հայրենակիցների մյուս արատները: Այս ամենը ավելի սիրելի դարձրեց նրան ճնշվածներին և հարուցեց հարուստ խավերի ու հորևորականության թշնամանքը»:

Հաջորդ փաստաթղթերում (№Ն 2—6) թեպետ շոշափվում են 1890-ական թվականների ուս-թուրքական հարաբերությունների և արևմտահայ իրականության հետ կապված մի շարք խնդիրներ, այնուամենայնիվ, հիմնական թեման դարձավ Մ. Խրիմյանի հարցն է: Ինչպես ցույց են տալիս Կ. Պոլսի ուսանիտն ղեկավար Ա. Նելիզովի և մյուս ուղեւորների զեկուցադրերը, սուլթան Արզուլ Համիդ Երկրորդը համառորեն ճիզեր է վճարել, որպեսզի Ռուսաստանի կայսր Ալեքսանդր Երրորդը շահատաստի 1892 թ. կաթողիկոսական ընտրությունների արդյունքները և դրանով իսկ թույլ չտա, որպեսզի Մ. Խրիմյանը դառնա Ամենայն Հայոց կաթողիկոս: Օսմանյան բռնապետը փորձեր է արել համոզելու ցարին, որ Խրիմյանը խիստ վտանգավոր անձնավորություն է ինչպես թուրքական, այնպես էլ ուսական պետությունների համար, որովհետև հայության մեջ մեծ ազդեցություն ունեցող այդ հողևորականն է, որ գլխավորում է հայ աղատագրական շարժումը՝ նպատակ ունենալով վերականգնել հայ պետականությունը: Բնորոշ է, որ սուլթանը կեղծ փաստաթղթեր է ներկայացրել ուսական ղեկավարին այն մասին, որ Խրիմյանը իրը դադարի դանակություններ է վարում Գլադստոնի հետ, որպեսզի Արևմտյան Հայաստանը ստանա ինքնավարություն: Անդրիայի հովանավորությամբ, Սուլթանի թշնամությունը Խրիմյանի նկատմամբ այնքան ուժեղ է թելել, որ նա մի անգամ հայտարարել է Նելիզովին, թե «Խրիմյանին ևս մատուցել է իր անձեռնադիմաց թշնամություն»:

Ահա սուլթանի մի այլ «փաստարկը»: 1892 թ. նոյեմբերին Նելիզովը զեկուցում էր Ռուսաստանի արտաքին գործերի մինիստր Ն. Գիրսին, որ Արզուլ Համիդը իրեն (Նելիզովին)

հաղորդել է հետևյալը. «Հայ հոգևորականության ամենաշահապար դեմքերից մեկն է Կ. Պոլսի նախկին պատրիարք Խրիմյանը: Ջրաղեցնելով այդ պաշտոնը նա վերջին պատերազմի ժամանակ հաստատեց հարաբերություններ տարրեր օտարերկրյա պետությունների հետ, որ պետի ամենասև դույներով ներկայացնի թրքահայերի վիճակը և ... հարմարներ... Այժմ օգտվելով նրանից, որ բնտրվել է պաթոզիկոս, Խրիմյանը նորից սկսել է իր դավերը: Արդու Համիդի բուր ճիգերը, սակայն, ապարդյուն անցան: Ջնայած նրան, որ 1890-ական թվականներին լավ հարաբերություններ էին ստեղծվել ռուսական պետություն ու Բ. Դուան միջև, այնուամենայնիվ, ցարական կառավարությունը զանազան պատճառաբանություններով մերժեց սուլթանի խնդրանքը, որի հետևանքով էլ օսմանյան բռնապետը վերջիվերջո թույլատրեց այդ ժամանակ Երասաղեմում կատնվող Խրիմյանին ժամանել Ռուսաստան: Այսպիսով, հակառակ սուլթան Արդու Համիդի բուր ջանքերին, Ամենայն Հայոց կաթողիկոսարանի ղահին բարձրագույն Խրիմյան Հայրիկը և 15 տարի շարունակ իր նոր պարտականությունները օտարևոր ամենայն հաջողությամբ:

Ս. Խրիմյանի մասին այստեղ հրատարակվող նյութերը պատվում են Ռուսաստանի արտաքին գործոց նախարարության արխիվում (ՏԵՍ Архив внешней политики России, фонд Армянские дела, посольство в Эрзеруме, д. 71; фонд Политархив, д. 3431; фонд Канцелярия МИД, д. № 24).

Մ. Գ. ՆԵՐՍԻՍՅԱՆ

ՀՀ ԳԱԱ ակադեմիկոս

№ 1

Донесение русского консула в Эрзеруме в посольство в Константинополе

18 ноября 1869 г.

Из донесения моего, от 17 августа 1867 г. № 280, в. превосходительству благоугодно было усмотреть, что епископ Игнатюс не пользовался в Ване ни расположением своей паствы, ни влиянием в стране.

Что делается в Ване, Эрзеруме, Харпуге, то отзывается во всех частях Армении и Кюрдистана и наоборот. Поэтому избрание с. пресвященства в константинопольские патриархи не могло обрадовать тут никого, тем более, что его считали орудием и приверженцем только одной части богатых и влиятельных армян в Константинополе. Никто здесь не ожидал никакой пользы от такого выбора ни для себя лично, ни для страны вообще.

Как беспечательно прошло здесь избрание Игнатюса в патриархи, так и смерть его ни в ком не возбудила особенного участия. Только внезапность ее породила сомнения в ее естественности. Столичные газеты, правда, приписали ее карбункулу, но здешние армяне, считая издателей их па откуп у правительства и не питая доверия ни к последнему, ни к своим влиятельным соотечичам в Стамбуле, отзывались и отзываются об этой смерти, как об отравлении, и теряются в догадках, отыскивая причину его.

Несмотря на такое безучастие здешнего армянского населения к покойному патриарху, я счел своим долгом выразить армянской общине свое сожаление в понесенной ею внезапной потере и был, по этому случаю, в митрополии. Вскоре за тем я был там в другой раз и поздравил армян с выбором нового патриарха.

Здесь все ожидали, что избрание в патриархи будет сделано в пользу епископа Арютьюна. Все считают за ним это право и все признают его способнейшим к занятию такой кафедры. Вследствие этого избрание другого лица не встретило бы здесь полного сочувствия, особенно при той любви, которую здесь питают к е. преосвященству. Не то случилось в отношении епископа Мыгирдича Хримиана.

Никто не предполагал, чтобы выбор остановился на нем, и почти никто не верил, чтобы он принял эту кафедру. Но избрание совершилось, было принято без возражения и Эрзерум пришел в волнение, с нетерпением ожидая прибытия сюда своего нового патриарха—Мыгирдича Хримиана.

Разгадка такому противоречивому явлению заключается в личном характере новоизбранного, и поэтому я считаю необходимым сказать несколько слов об нем.

Высокопреосвященный Мыгирдич родился в Ване 4 апреля 1820 года. В тамошней жалкой школе он научился читать и писать и, не достигнув еще 20 лет возраста, женился, но вскоре овдовел. Передав на попечение родных свою дочь, он преданся учению и, 27 лет от роду, отправился в Константинополь и сделался учителем грамматики в девичьей школе Нерсисиан в Хаскойе. Должность эту он занимал только один год. Оганес Ага Айвадиан принял его в свой дом в качестве домашнего учителя для своих детей. В бытность свою в этом доме, он (1849 г.) написал свое первое сочинение и обратил на себя внимание своих соотечественников как в Константинополе, так и в Венеции. Карает амира Балиан отправил его в Иерусалим. Беспорядки, возникшие в Сисе в католикосничество Михаила, вызвали молодого Хримиана на новое поприще. Ему поручили привести их в порядок. Он отправился туда, посетил, кроме Сиса, Тарсус, Адану, Кейсариб, Марсеван и другие города и через 2 года вернулся снова в Константинополь и поехал на свою родину в Ван. Тамшний епископ Каприэль посвятил его (1853 г.) в вартабеды. В этом звании он отправился снова в Константинополь и начал издавать газету «Ардзиви Васпураган» («Васпураганский орел»).

Одноглавый орел был гербом васпураганских царей.

Давая такое название своей газете, молодой вартабед как бы указывал на дальнейшее направление своей деятельности и, не беспосредственно для армян, проявил ее, будучи вслед за этим настоятелем Варагского монастыря Сурб Нишана.

Варагский монастырь основан любимым армянами Васпураганским царем Какиком III в XI веке и отстоит от Вана в 3 часах пути на берегах Ванского озера.

Получив в свое ведение этот монастырь, вартабед Мыгирдич отправился туда, взяв с собою также и типографию.

Всем известно, в каком жалком положении находятся монастыри почти на всем востоке. Положение их еще хуже в Анатолии, и, особенно, в Армении и Кюрдистане.

Приехав в Варагский монастырь, вартабед Мыгирдич возобновил его стены, устроил кельи, завел семинарию и поставил типографию, в которой продолжал печатать свою прежнюю газету «Ардзиви Васпураган». В ней-то, со свойственным ему красноречием, он вызвал тени Ара Прекрасного, Тиграна и др. героев древних армян и начал сравнивать настоящее положение своей страны с идеальным прошедшим. Воодушевив такими сочинениями молодое поколение и сам увлекшись популярностью, которую составил себе в самое короткое время, он напал в своих проповедях на корыстолюбие, алчность, не-

вежество и другие пороки высшего и низшего духовенства и богатых и влиятельных своих соотечичей. Это усилило к нему любовь угнетенного класса и приобрело врагов в богатом сословии и духовенстве.

В Вараге Хрымиан оставался 7 лет. Будучи от природы бескорыстен и умерен во всем в отношении себя, он все монастырские доходы употреблял на созданную им семинарию и на поддержание типографии; но доходы эти оказались недостаточными с возраставшими потребностями, и Хрымиан поехал на Кавказ. Покойный католикос Матеос дал ему открытый лист для сбора посильных даений, по скоро в этом раскаялся. До е. святейшества дошел слух, что Хрымиан в своих проповедях на Кавказе осуждает поведение самого католикоса и вообще всего эчмиадзинского духовенства. Он вызвал его из Карабаха и с казаками выпроводил за границу, запретив снова являться на Кавказ. Это было в 1861 году.

В 1862 году Хрымиана назначили Мушским епархиальным начальником и настоятелем монастыря Сурб Карапета (Иоанна Крестителя).

Он приехал в монастырь, возобновил его, учредил школу, перенес из Варага часть своей типографии и начал издавать газету «Ардзвик Тарона» («Таронский орел»).

Тарон есть древнее армянское название Мушского санджака.

Продолжая действовать в том же духе и с большею смелостью, нежели в Варагском монастыре, преподобный Мыгирдич напал на влиятельных и богатых армян в Муше и Эрзеруме и кончил тем, что озлобил их против себя. Они положили избавиться от него, а в средствах к тому недостатка не бывает. Им помогли монахи упомянутого монастыря Сурб Карапета.

На устройство школы и типографии и на поддержание того и другого, а равно и самого монастыря Хрымиан обратил все монастырские доходы, которые до него расходились по рукам монашествующих. Кто знает корыстолюбие духовенства на востоке и особенно монашествующего, тот поймет, какой удар нанес им в сердце их новый настоятель такую мерою. Они поголовно восстали против него.

В это время явился сахманатрутьюн. Хрымиан воспел его и сделался его ярим сторонником. Молодое поколение соединилось с ним. В газеты посыпались статьи, в которых изобличались пороки и личное поведение епископов, вартабедов и влиятельных армянских ага. Брожение умов сделалось общим и направилось против старого порядка вещей, в котором первую роль играли, конечно, богатые армяне. Последним, в соединении с мушским духовенством, обвинили вартабеда Мыгирдича в том, что он подготавливает в Муше восстание христиан и, в то же время, подкупили кюрдов убить его. Два выстрела, сделанные по нем, не принесли ему никакого вреда, но показали ему опасное положение и заставили его бежать. Он прибыл в Эрзерум, но здесь составили противу него мазбату и отправили ее в Константинополь. Хрымиана вызвали к суду. Он оправдался, но целые 4 года оставался без места. В предпрошедшем году его назначили снова настоятелем монастыря Сурб Карапета, но не дали начальства над Мушскою епархиею.

Хрымиан выехал из Константинополя и прежде всего отправился в Эчмиадзин. Католикос Кеворк посвятил его в епископы. Из Эчмиадзина преосвященный Мыгирдич прибыл в Эрзерум и провел тут целую зиму—в нетопленной комнате, без чаю и весьма часто без куска хлеба. Летом он отправился в Муш и Сурб Карапет-ванк. 4 сентября его избрали в константинопольские патриархи и весь Эрзерум, как

выше сказано, пришел в волнение, движимый к тому различными побуждениями.

Значение константинопольского патриарха в Анатолии весьма не велико, но он имеет влияние в Константинополе; поэтому явные и тайные враги высокопреосвященного Мыгирдича, а их немало в Эрзеруме, поспешили своей предупредительностью расположить его к себе и заявить пред ним свое полное раскаяние.

Старые приверженцы новоизбранного патриарха, а их составляет все молодое поколение, угонившиеся было в своих несбыточных надеждах, воспрянули вновь, зашумели и двинулись целыми толпами навстречу тому, который в их глазах был страдальцем за любовь к шим и за правду.

Во все продолжение почти десятилетней борьбы Мыгирдича с воздвигнутыми на него преследованиями греки оставались спокойными зрителями. Чуждые данному им движению, они более самих армян отдают справедливость его богословским сведениям, ученым трудам и безупречному поведению.

При таких условиях немудрено, что все христианское население выступило и высыпало навстречу новому патриарху. Католики не могли отделаться от общего движения, не заявив себя пред турками явными врагами прочих христианских общин.

Генерал-губернатор выслал кавалерию и хор военной музыки и поставил в 1 часу от города свою палатку.

Тут была встреча. Военные отдали честь и заиграла музыка. Ученики греческой школы, держа в руках цветы, прокричали троекратно зито и запели гимн «О соединении двух церквей». При входе в палатку высокопреосвященного встретил греческий митрополит Паисий. Они поцеловались и заняли приготовленные только для них места в креслах. Тут же были ученики армянской и католической школ и все христианское духовенство, находящееся в Эрзеруме. Ученики пели приличные торжеству гимны. Чрез час отдыха, во время которого подавались кофе и прохладительное, высокопреосвященный Мыгирдич вышел, благословил народ и началось торжественное шествие в город. Впереди ехали заптий, потом кавалерия, потом эснаф, духовенство и наконец сам патриарх в преднесении хоругви. По правую его сторону был греческий митрополит, а за ними народ. Шествие остановилось у самой митрополии. Высокопреосвященный надел мантию и вошел в церковь, ученики греческой школы еще раз прокричали ему зито и «Да соединятся две церкви воедино».

Из церкви патриарх вернулся в митрополию, принял поздравления с благополучным приездом и отпустил кавалерию, музыку и заптий.

Я виделся с е. высокопреосвященством в тот же день. Несмотря на то, что мы были не одни, он выразил мне свою благодарность за русских подданных, которые встретили его далеко за городом, пригласили в свою палатку и по-русски, с русским радушием, угостили завтраком.

Е. высокопреосвященство сделал свои визиты генерал-губернатору, греческому митрополиту, мне, остальным консулам и зашел в католическую митрополию.

Греки встретили его целою общиною далеко за церковною оградой. Духовенство было в полном облачении. Митрополит Паисий держал крест и евангелии и, сойдясь с высокопреосвященным, поцеловался с ним, дал ему крест, ввел в церковь и посадил на свою ка-

федру. После краткого молитвословия высокопреосвященный Паисий сказал речь, которую тотчас же перевели на армянский язык. Выразив в ней, «насколько они, греки, наравне с армянами, своими братьями, радуются избранию е. высокопреосвященства в патриархи», митрополит Паисий заключил ее «желанием соединения двух церквей». Патриарх отвечал, что и его искреннее желание есть—«видеть одно стадо и одного пастыря».

Из греческой митрополии патриарх прибыл в Императорское консульство. Тут он предложил тост за здоровье е. в. Государя Императора, как за виновника настоящего улучшенного положения христиан в Турции и как за единственного и исключительного защитника и покровителя их. Второй тост был предложен мною за здоровье е. св. католикоса.

Я лично знаком с е. высокопреосвященством несколько лет и находился с ним постоянно в самых дружеских сношениях. К сожалению своему, я мог его видеть теперь только 3 раза и не имел случая поговорить с ним наедине.

Все время пребывания его в Эрзеруме, а оно продолжалось только одну неделю, генерал-губернатор оказывал ему постоянно все почести, пригласил его на обед и сам принял участие в таковом же, данном армянами своему патриарху. При выезде его из Эрзерума в Трапезонд проводы были так же торжественны, как и встреча, и, по дошедшим до меня слухам, то же самое было сделано в Байбурде и Гюмушхане. Считаю своим долгом о всем вышеизложенном довести до сведения в. превосходительства, позволю себе в заключение сказать еще несколько слов о высокопреосвященном Мыгирдиче как о патриархе.

При всех личных достоинствах, которые отличают и высоко ставят нынешнего патриарха над всем армянским духовенством, с высокопреосвященством не лишены и недостатков, которые, по общему мнению, не совместны с его новым положением—он, кроме армянского языка, не владеет никаким другим, а турецкий, в настоящем его звании, более нежели необходим ему; кроме того, он не имеет никакого такту в обращении, а главное—вовсе не знает, где бьется пульс у турок. Эти недостатки хорошо известны константинопольским армянам и их сознает сам высокопреосвященный. Об них он неоднократно и с сожалением говорил мне и с усмешкою заметил в нынешнее свидание, прибавя, что «ему нужен и отличный драгоман, и особый чиновник, который бы ему напоминал 3 раза в день, что он патриарх».

Положение армянского патриарха трудно. Как удовлетворить многообразным и противоречивым требованиям, стремлениям и ожиданиям, которые волнуют, в настоящее время, армян, и, в то же время, поставить себя и свою многочисленную общину в благоприятные отношения к правительству. Тут требуется изворотливый, гибкий, практический ум, знание человеческого сердца и страстей и крайняя осторожность, а имеет ли эти данные высокопреосвященный Мыгирдич. Да позволено будет мне усомниться в них, тем более, что односторонняя деятельность его, в последние 10 лет, была направлена во вред лично ему и армянам, к пробуждению их национальности. В этой деятельности он мужал, жертвуя своею жизнью. Отказаться от нее значит переродиться и изменить самому себе и тем надеждам, которые, сколько мне известно, руководили большею частию армян в Константинополе при избрании именно его в патриархи. Возможна ли, при таких условиях, продолжительность патриаршества высоко-

пресвященного Мыгирдича? Такие мысли, в тех или других видоизменениях, сообразно взгляду каждого, занимали и занимают здешнее армянское население и заставляют его удивляться такому выбору и сомневаться в его продолжительности.

То же самое сознает и высокопреосвященный. «Я долго не останусь патриархом», сказал он мне в первое же свое свидание со мною. «Оставьте эту кафедру скорее, возьмите Ваш патриарший пенсион, удалитесь в монастырь, но не приезжайте сюда и посвятите в уединении Вашу жизнь на славу Вашего имени и истинную пользу Бashiх соотчичей»,—отвечал я ему прямо, в присутствии многих почетных армян, с которыми он был у меня, и при которых происходил утмянутый разговор.

Избегая возбудить в нем и вообще в армянах всякое подозрение, я избегал объяснения: в чем заключается эта истинная польза, но, в то же время, стороною поручил грекам осторожно выведать мнение высокопреосвященного относительно соединения двух церквей. Ответ его был следующий: «Мы этого желаем, но этого не хочет наше правительство».

Не ударил еще час для такого великого события. Провидение в несповедимости своей скрывает от нас эту минуту; но, при том влиянии и значении Мыгирдича Хрымяна среди всех армян и особенно азиатских, желательно бы было, чтобы, в ожидаемом им обеспеченном уединении, он бросил, со своей стороны, несколько теплых лучей на взбороненную уже многими соборами почву, и тем ускорила бы всход жатвы, которая вскормила бы армян для лучшей их будущности.

№ 2

Из депеши посла России в Константинополе тайного советника А. И. Нелидова (министру иностранных дел Н. К. Гирсу

Пера, 19 ноября/1 декабря 1892 г.

Ссылаясь на телеграмму мою от 12 ноября, считаю долгом представить в пр-ву подробности сообщения, сделанного мне на прошедшей неделе от имени султана... Переходя к общему характеру сношений наших (т. е. Турции и России—М. Н.) Абдул-Хамид передал приблизительно следующее...

«Между нами именно стоит теперь на очереди один вопрос, где характер взаимных отношений обоих государств может выступить в полном свете. Одна из самых выдающихся личностей в среде армянского духовенства есть бывший патриарх Константинопольский Хримян. Занимая эту должность во время последней войны, он стал заводить сношения с различными иностранными правительствами, чтобы представить им в самых черных красках положение турецких армян и требовать реформ, вследствие чего в Берлинский трактат внесена была статья, принесшая в сущности армянскому населению некоторых вилаетов более вреда, чем выгоды.

Теперь Хримян, пользуясь своим избранием на высокую должность католикоса, снова начинает свои происки.

Он написал письмо Гладстону и приготовил таковое же для государя императора. Это то же средство, которое с таким успехом употреблено было в 1876 году болгарями; и они прибегли тогда к

Гладстону и к России с жалобами на свое положение. Россия приняла к сердцу их судьбу, из-за нее произошла кровопролитная война и теперь болгаре отплатили России чернейшею неблагодарностью. Того же добиваются теперь армяне. Они тоже ходатайствуют пока об учреждении лишь в пределах Турецкой империи отдельного армянского вилаята с христианским губернатором и особыми правами. В пользу этой мысли стараются расположить русские правительственные кружки, представляя им, что для России это никакой опасности представлять не может, так как она достаточно сильна, чтобы помешать развитию армянского движения у себя. Но это обман. Раз получив данное направление и определенное устройство, армянское движение, покровительствуемое Англиею, охватит всех армян и, в конце концов, от этого выиграет только английское правительство, которое подымает все это дело и подбивает Хримиана исключительно с целью создать затруднения России и Турции, если можно поспорить их и пайти предлог для вмешательства.

Подобные козни надо предупредить, надо отклонить удар, направленный против нас извне. Потому я считаю долгом сообщить государю императору содержание писем Хримиана и представить ему объяснение действий этого духовного лица».

На вопрос мой, каким образом подобные документы могли попасть в руки турецкого правительства, доверенный султана отвечал, что они получены через посредство одного из армянских выходцев, проживающего в Лондоне и издающего там революционную армянскую газету, в которой письмо к Гладстону должно было быть напечатано.

Ознакомившись с содержанием предполагаемых писем Хримиана, я ответил на сделанное мне сообщение, что не премину передать его по назначению, но должен тотчас же представить по его поводу некоторые замечания.

Во-первых, если письма Хримиана подлинны, в чем я жестоко сомневаюсь, они, а равно и все приписываемые ему теперь действия, суть последствия замедления в разрешении ему отправиться к месту своего нового служения, о чем я тщетно много раз ходатайствовал перед Портою.

В России, где его должность чисто духовная, он лишен был бы всякой возможности заниматься политическим положением армян и обращаться к иностранным министрам или к императору по делам, не подлежащим его ведению.

Затем, ценя вполне желание султана искоренить в своем народе чувство враждебности к России, я могу его уверить, что то же делается и в России, где по отношению к Турции распространены весьма дружелюбные чувства. Государь император признает существование Турции и ее неприкосновенность весьма желательным, он расположен поддерживать с нею наидружественнейшие связи и все действия его по отношению к Оттоманской империи служат тому блестящим доказательством. А потому ни козни, приписываемые Хримиану, ни проiski армян вообще не в состоянии отклонить Россию от принятого ею направления, а еще менее расположить императорское правительство к потворству политическим мечтаньям армянских передовых людей. Заботясь о благосостоянии своих подданных армянского происхождения и предоставляя им полную свободу вероисповедания и все права наравне с русскими, государь император оказывает им свое высокое покровительство только как подданным, преданным ему подобно дру-

гим, но отнюдь не желает в чем-либо способствовать их обособлению.

Наконец, если бы письма Хримиана оказались подлинными, то от государя императора зависело бы без сомнения постановить решение о дальнейшей участи его избрания и вступления в должность, от принятия которой он впрочем в письме к Гладстону как будто бы сам отказывается. Мне же на первый взгляд письма эти представляются поддельными и имеющими целью помешать прибытию в Россию Хримиана, что именно повело бы к возбуждению умов армянского населения и к опасному в среде его брожению, особенно, если бы последствием этого была необходимость уничтожить состоявшийся в апреле выбор католикоса и произвести новое избрание.

Мне действительно представляется, что все это дело есть следствие ловко направленной интриги, предназначенной к тому, чтобы неприятному для султана вступлению Хримиана на Эчмиадзинский престол были воздвигнуты затруднения не со стороны Абдул-Хамида, опасющегося слишком решительных действий, могущих возбудить против него ярую вражду, а со стороны России, на которую тогда и будет направлено неудовольствие армян.

Впрочем возможно и то, что состарившийся Хримиан, поддавшись крайним внушениям каких-нибудь слишком горячих патриотов, ловких народных вожаков или английских агентов, совершил неосторожные действия, могущие сделать его минутным идиолом армянского народа, прав коего он будто бы становится открытым защитником, но способные впоследствии навлечь на это население тяжелые испытания, возбудив в его среде опасное и бесцельное народное движение.

№ 3

Депеша А. И. Нелидова в МИД России

Пера, 17 января 1893 г.

Не получая, несмотря на неоднократные запросы и напоминания, никакого ответа на ноту посольства относительно увольнения патриарха Хримиана из турецкого подданства и разрешения ему отправиться в Россию для занятия должности католикоса, я решился, по совету Великого визиря, сделать по этому предмету прямое сообщение султану, чрез посредство первого его секретаря. Я не преминул при сем выставить, что взведенные на его блаженство обвинения оказались ложными, сам он, как явствует из прилагаемого у сего перевода частного его письма, решительно протестовал против этой клеветы, а между тем, как в армянском духовенстве, так и в народе все более усиливается волнение и чувствуется неудобство этого ненормального положения армянской церкви. И действительно, рукоположение григорианских епископов, которое может быть совершаемо только католикосом, а равно и многие другие вопросы духовного свойства, разрешение коих исключительно зависит от верховного армянского патриарха, приостановлены, вследствие отсутствия уже около двух лет из Эчмиадзина главы григорианской церкви.

В ответ на это сообщение султан послал мне сказать чрез одного из своих доверенных, что он считает Хримиана своим личным врагом, что он делает из его признания вопрос личного самолюбия (Абдул-Хамид сказал по французски: *question d'amour propre*) и потому обращается к государю императору с просьбой приискать какой-нибудь

иной выход из настоящего затруднения. К тому же, по глубокому его убеждению, возведение Хримиана на Эчмиадзинский престол будет исходною точкою великих волнений в среде армянского населения как Турции, так и России, и поднятия Армянского вопроса, а потому и выгоды России требуют, по его мнению, чтобы изыскано было иное разрешение.

Тщетно старался я представить посланному султана, что именно принимаемый его величеством путь неминуемо поведет к волнениям среди армян, особенно в Турции, и что если бы слишком 70-летний Хримиан и был действительно столь опасным деятелем, каким его воображает султан, то с прибытием его в Россию и вступлением в высшую духовную должность прекратилась бы для него всякая возможность политических козней. То же говорил я и Великому визирю, прося его еще раз представить дело на воззрение его величества. Джевад-паша, как кажется, разделял мой взгляд и обещал изложить его падишаху. Но вскоре после того послал мне сказать, что все его старания были напрасны. Султан положительно объявил ему, что он чрез мое посредство обратился к государю императору и ждет от его мудрости разрешения этого вопроса.

Донося о вышеизложенном, я не могу не высказать по этому поводу некоторых соображений:

1. Упорство султана в отказе отпустить в Эчмиадзин Хримиана основано не на положительных данных, а на ловко подстроенных клеветах его врагов и дворцовых прислужников, в числе которых немаловажное место занимает, как меня уверяют, армяно-католический патриарх Азариан, известный своими интригами и ненавистью к армянам григорианам, на которых он неоднократно доносил в Ильдыз.

2. Мне неизвестно, насколько представлялось бы исполнимым с законной точки зрения отменить уже состоявшиеся выборы и высочайшее утверждение государем императором в звании католикоса патриарха Хримиана. Но если бы оно и было сочтено возможным, подобное решение на деле несомненно встретило бы самые большие, я скажу даже, непреодолимые затруднения со стороны армян, особенно турецко-подданных, в среде которых это возбудило бы опасный соблазн. Даже простое утверждение другого избранного кандидата Измирлиана не было бы принято армянами, все более привязывающимися к любимому и уважаемому ими Хримиану. Измирлиан же для нас был бы крайне неудобен, ибо он стал во главе оппозиции против утверждения государем императором в 1884 году святейшего Молара и отказался признавать его, продолжая считать законным католикосом избранного тогда первого кандидата Мельхиседека.

3. Но допустив даже, что новые выборы или изменения решения его императорского величества и были бы возможны, я считаю обязанностью высказать, что подобная уступка или скорее услуга султану отнюдь не представляется мне ни сколько-нибудь заслуженною. Избавляя его от принятия неприятного для него решения, мы взяли бы на себя вполне или в значительной степени неудовольствие, которое неизбежно будет возбуждено по этому поводу в среде армян, как в России, так и в Турции. Между тем султан, несмотря на постоянные свои дружественные заверения, держится в болгарском вопросе не только двусмысленно, но и прямо нам несочувственно. в сношениях его с нами так же мало искренности, как и в его хитрою политике относительно других великих держав, причем он особенно склоняется лишь перед угрозами или опасностью, а ценит толь-

ко лезть и потворство его непоследовательным замыслам, отнюдь не уважая тех, кто к этим средствам прибегает.

А потому стойкий и решительный отказ в изменении принятого императорским правительством решения кажется мне единственным, совместным с нашим достоинством и выгодами ответом на личное обращение падишаха к августейшей особе государя императора.

Остается однако решить вопрос: как выйти из создаваемого упрямством султана положения.

По моему скромному мнению повторенные настояния наши с положительным заявлением от имени императорского правительства, что назначение Хримиана католикосом неизменно, заставляет султана поддаться и согласиться на его отъезд в Эчмиадзин. Если бы он однако продолжал упорно тому противиться, то следовало бы, по соглашению с армянскими высшими духовными начальниками и канонистами, определить, каким образом помочь делу и какие принять меры для обеспечения церковных интересов григорианского исповедания. Быть может, пришлось бы с этою целью войти и в личные сношения с самим Хримианом, дабы условиться с ним или об установлении им полновластного викариата в Эчмиадзине, или о принятии иных мер ввиду насильственного его удаления оттуда, чему быть может в армянской церковной истории существуют уже примеры.

Рассчитывать на добровольное его отречение мне кажется весьма трудно, тем более, что он должен был бы быть к этому кем-нибудь побужден, а едва ли кто из армян эго на себя примет, тогда как подобное внушение от нашего имени было бы весьма неудобно, по изложенным мною выше соображениям.

Представляя все эти рассуждения на благоусмотрение вашего прев-ва, я считаю долгом присовокупить, что я еще не вступал по этому предмету в объяснения ни с кем из армян и высказываю только совершенно личные предположения. Лишь в случае получения мною на то указаний от императорского правительства мог бы я войти в переговоры с здешними выдающимися духовными и светскими деятелями из армян о возможных мерах для устройства григорианских церковных дел, ввиду отказа султана уволить в Эчмиадзин патриарха Хримиана.

№ 4

Из донесения второго драгомана Максимова послу А. И. Нелидову

Пера, 31 марта 1893 г.

Согласно приказанию вашего превосходительства я был, по примеру прошлых годов, с поздравлениями в день светлого Христова Воскресенья у армяно-григорианского патриарха и у экзарха болгарского и обоих архи-пастырей нашел я в далеко не радостном настроении.

Блаженнейший Ашигян поведал мне, что он ожидает самых неблагоприятных последствий от упорства султана в непризнании нового католикоса. Не менее опасны, по его мнению, нецелесообразное вмешательство в армянские дела английского правительства, а равно и недобросовестные, мятежные подстрекательства армянских выходцев, проживающих в Лондоне, за проделки которых приходится расплачиваться жизнью ничем не повинному армянскому населению Тур-

цни. Церковь армянская ни от кого не может ждать помощи как только от Его Величества Государя императора, на священную особу которого она призывает благодать и благословение божие. В виду скорой поездки вашего превосходительства в Крым, блаженнейший Ашигян, напутствуя вас своим благословием, просит не оставить армянскую церковь вашим могущественным предстательством перед Государем императором и выражает надежду, что свидание ваше с Его Величеством заставит и султана отказаться от ничем необъяснимого сопротивления к мирному водворению на патриаршем престоле католикоса Хримиана.

№ 5

Из депеши А. И. Нелидова в МИД России

Пера, 8/20 апреля 1893 г.

Узнав о намерении моем в непродолжительном времени отправиться в Крым, султан пригласил меня в прошедшую пятницу на «ифтар» во Дворец, и после того имел со мною продолжительный разговор.

Абдул-Хамид прежде всего выразил желание отправить по прежним примерам, чрезвычайное посольство в Ливадию для приветствия Государя императора...

Затем Абдул-Хамид перешел к Армянскому вопросу. Он просил меня представить еще раз Государю императору соображения, побуждающие его не желать утверждения патриарха Хримиана в звании католикоса. Соображения эти, подробно изложенные в прилагаемом у сего отчете об аудиенции первого драгомана посольства д. с. с. Иванова, уже в общих чертах были мне переданы от имени султана в декабре прошедшего года и представлены мною вашему пр-ву в донесении от 17/29 января за № 1. На замечание мое, что императорское правительство не нашло возможным изменить своего решения относительно Хримиана, ибо считает могущие произойти от непризнания его неудобства более опасными, чем то, которые повлекло бы за собою утверждение его в Эчмиадзине, султан возразил, что он, во всяком случае желает поставить государя императора в известность о своем положении, а также и предупредить его о том, каков человек, избранный главою армянской церкви. Предоставляя Его императорскому величеству постановить затем свое решение, Абдул-Хамид выразил готовность ему подчиниться, не исключая даже возможности пустить Хримиана в Россию. Он заключил свое наложение уверением, что во всем этом деле, равно как и в других политических вопросах, стремится действовать согласно с видами России и с болгарским князем, хотя бы он и не был открыто утвержден в этом звании.

№ 6

Из записки первого драгомана Иванова в МИД России об аудиенции у султана в апреле 1893 г.

После обеда во дворце его величество султан пригласил г-на Нелидова, чрезвычайного российского посла, в сопровождении д. с. с. Иванова, первого драгомана посольства, на аудиенцию, причем в ка-

честве переводчика, был, как всегда, церемониймейстер султанского Двора, Мунир-паша.

После обычного осведомления о здоровье Государя императора и Его августейшего семейства, султан прямо объявил г-ну тайному советнику Нелидову, что он находит крайне нужным переговорить с ним касательно недавно избранного армянским католикосом Хримиана.

По мнению его величества султана, водворение этого лица в качестве католикоса представляется крайне неприятным. Из многократных донесений ему (султану) об этой личности, выходит, что Хримиану не может быть вверен подобный пост, вследствие его очевидной неблагонадежности в политическом отношении. Турецкое правительство уже не раз могло убедиться, что Хримиан был замешан во все предшествовавшие политические волнения армян, и что он принимает косвенное участие и в беспорядках в Кум-Кану, как равно знал и о существовании в Константинополе тайного армянского комитета, в составе которого, как известно, был и один армянин русско-подданный высланный в Россию.

По мнению султана, духовное лицо должно заниматься только своею паствою, смотреть за церковью и богослужением, а если духовное лицо вмешивается в политику, то это уже плохой слуга для государства и не может ни в каком случае занимать ответственное место пастыря своей народности.

Г. тайный советник Нелидов отвечает султану, что ему уже известно таковое мнение Его величества о Хримиане, но что нельзя не допустить некоторого преувеличения в обвинениях этих, исходящих из той борьбы партий и даже различных вероисповеданий, на которые разделен армянский элемент в Турции. Во всяком случае, говорит г. тайный советник Нелидов, он не преминул в свое время сообщить о вышесказанном в С. Петербурге, но в настоящее время там, весьма естественно, находят трудным и неудобным предпринимать по этому делу что-либо новое, так как избрание Хримиана составилось правильно и утверждено уже государем императором. Не признать Хримиана теперь католикосом было бы дать повод к весьма понятному неудовольствию всего армянского народа.

Кроме того тайный советник Нелидов дает понять султану, что положение Хримиана, как католикоса, в России так оформлено и обставлено законодательными мерами, что ему невозможно будет, даже если допустить, что он к этому склонен, вести какую-либо политическую агитацию между армянами и деятельность его несомненно будет заключаться в строгом исполнении своих церковных и религиозных обязанностей.

Султан отвечал, что это все ему понятно, но что он тем не менее просит г-на посла все сказанное им довести до сведения государя императора и что только после этого делу католикоса может быть дано окончательное решение.

Г. тайный советник Нелидов отвечает, что он не преминет передать о всем вышесказанном государю императору...